

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ «ЗАПИСОК» КНЯЗЯ П.В. ДОЛГОРУКОВА

В 2007 г. впервые в переводе на русский язык вышли знаменитые «Записки» кн. Петра Владимировича Долгорукова – известного генеалога, историка и политического эмигранта¹. Точнее, появился первый, и во всех отношениях главный, их том, опубликованный еще при жизни автора. Мемуары были написаны по-французски, на титульном листе первого тома значится 1867 г.² Русского перевода пришлось ждать 140 лет.

«Записки» П.В. Долгорукова содержат бесценную информацию для историков, ведь они представляют собой запись семейных (и не только) исторических преданий, собранных автором в архивах русского дворянства и в личном общении с его представителями, по материалам, к настоящему времени утраченным. Практически это история России в преданиях аристократических семейств. Французское издание этой книги, безусловно, хорошо известно специалистам. Необходимость перевода работы на русский язык назрела давно. И вот, наконец, состоялись перевод и публикация этого важного источника по истории России, с которым можно было бы сопоставить разве что мемуары Шарля Массона, публикация полного перевода которых не осуществлена до сих пор. Предметом моей рецензии станет качество исполнения этого значительного проекта. Рассмотрим 3 аспекта издания «Записок»: принципы комментирования, профессиональную квалифицированность исполнения и точность перевода.

Отбор информации для комментирования во многом определяется предполагаемой читательской аудиторией. В данном случае это либо те люди, чья профессия связана с русской историей и культурой, либо хорошо образованный слой населения, который читает подобные книги на досуге. В комментариях к изданию «Записок», кажется, совсем не было никакой системы, никакой ориентации на читателя. Иногда объясняется то, что известно каждому школьнику, а без внимания оставляется то, что знает не всякий специалист. Так, например, дается подробное объяснение таких слов, как «раскол» (с. 581, примеч. 1), «Синод» (с. 582, примеч. 16), «апокриф» (с. 585, примеч. 12). В то же время такие выражения, как, например, «награжденный голубой лентой» (с. 56), оставлены без комментария. Из упоминаемых в тексте европейских титулов издатель счел необходимым прокомментировать почему-то только титул курфюрста (с. 209), оставив без объяснения титулы палатина (палатины), пфальцграфа и маркграфа (с. 454, 483, 536, 546).

Обойдено молчанием сообщение о том, что Джордж Броун «в 1725 г. поступил на службу в крохотную армию курфюрста-палатина» (с. 483). Как хорошо должен быть образован читатель, который и сам знает, кто этот курфюрст-палатин, и что у него за армия! Нет комментариев и к сообщению о том, что граф Генрих-Казимир-Готтлиб де Линар «примкнул к моравским братьям» (с. 538), и к упоминанию Вестфальского мира (с. 546). Без объяснения остаются и подобные пассажи: «Князь Иван (Дмитриевич Щербатов. – М.М.), умерший за десять лет до кончины своего отца, был одним из самых почтенных и уважаемых и одним из самых несчастных молодых людей своего времени» (с. 129), «граф Лев (Салтыков. – М.М.) и его жена, урожденная Голицына, приобрели столь печальную известность» (с. 174). Ни в чем состояли несчастья князя Ивана Щербатова, ни каков был характер печальной известности графов Салтыковых, издатель не считает нужным сообщить читателю.

* Мельцин Максим Олегович, кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Многие имеющиеся комментарии также оставляют читателя в недоумении. Например, слово «обер-шенк» объясняется так: «придворный чин, соответствующий 2-му классу Табели о рангах, введенной Петром I, главный кравчий, подчинявшийся министру двора» (с. 581, примеч. 6). Если читатель знает, кто такой кравчий, то он, скорее всего, знает и кто такой обер-шенк, а объяснять одно непонятное слово с помощью другого, еще менее понятного, неэффективно. На с. 53 князь Петр Владимирович упоминает «сенатора князя Дмитрия Ивановича (Долгорукова. – *М.М.*), бывшего посланника (в оригинале “*ministre*”. – *М.М.*) в Персии». В комментариях дается подробное объяснение должности «посланник»: «ранг дипломатического представителя за границей, посланного с определенной миссией (переговоры, вручение подарка, уведомление о восшествии на престол и т.д.), в отличие от чрезвычайного и полномочного посла, прерогативы которого не связаны с определенным поручением» (с. 581, примеч. 4). В словаре, действительно, одним из вариантов перевода слова «*ministre*» дается термин «посланник». Однако по российским документам кн. Д.И. Долгоруков был именно министром. 11 июня 1845 г. он был назначен полномочным министром при Тегеранском дворе и уволен, согласно прошению, от этой должности 23 марта 1854 г. Сам факт почти 9-летнего пребывания в Тегеране едва ли связан с каким-то «определенным поручением».

В комментарии к авторскому тексту на с. 56 («что касается так называемых принцев де Ла Тур-д’Овернь, генеалогию или, вернее, мифологию которых недавно привел льстивый Готский альманах») читатели, вероятно, ожидают узнать, в выпуске за какой год и на каких страницах приведена названная генеалогия, а также, почему этот «Готский альманах» назван льстивым. Однако ничего подобного издатель не сообщает, он подробно рассказывает о том, что за издание представлял собой «Готский альманах», и когда он начал издаваться (с. 581, примеч. 7).

На с. 177 в сноске говорится: «Третья же ветвь (Шереметевых. – *М.М.*) представлена двумя сыновьями ныне покойного министра уделов». В комментарии дается история создания Департамента уделов и принадлежности его Министерству императорского двора (с опечаткой в годе), а также то, что министра императорского двора часто называли министром уделов (с. 592, примеч. 21). Единственное, чего мы не находим в примечании, это того, что ни один Шереметев министром императорского двора и уделов, а также просто министром уделов (в 1852–1856 гг. министерство императорского двора и министерство уделов существовали отдельно) никогда не был, а человек, которого имеет в виду Долгоруков – Василий Александрович Шереметев (1795–1862), отец двоих сыновей (Василия и Александра) – был в 1856–1857 гг. министром государственных имуществ. В оригинале (с. 123) он назван *le ministre des domaines de la couronne*.

Создается впечатление, что никаких принципов в комментировании нет. Неясно, например, почему справка о кн. М.М. Щербатове (с. 588, примеч. 28) занимает 16 строк, а о других персонажах текста справок не приводится. Комментарий к процитированной на с. 550 песенке: «Тот, кто пьет по-капуцински, / Тяпнул чарку – и раскис! / Тот, кто пьет по-целестински, / Пьет до положенья риз!» занимает 12 строк и содержит сведения о датах основания и эволюции статуса всех четырех упомянутых в песенке орденов, их состоянии к XVIII в., имена основателей и пап, утверждавших основополагающие документы (с. 601–602, примеч. 6). Как будто комментируется какой-то серьезный документ об этих орденах, а не хулиганские куплеты.

В комментарии к тексту Долгорукова об «итальянском дворце (построенном при Петре I на Фонтанке, там, где сейчас расположены строения Института святой Екатерины» (с. 518) кроме локализации по месту, вполне здесь уместной, зачем-то сообщается история образования в 1798 г. Екатерининского института и строительства для него в XIX в. нового здания (при этом говорится, что Институт, образованный в 1798 г., в старом здании находился с 1780-х гг.). Но все это меркнет перед сообщением, что Институт был создан «для обучения “благородных” девиц мещанского сословия» (с. 601, примеч. 4). Благородные девицы мещанского сословия – новая для читателя реалья российской жизни.

В то же время издатель оставляет без комментария явные ошибки или странности в изложении П.В. Долгорукова. Например, на с. 52 упоминаются «два века татарского ига (1236–1462)». Не следовало ли прокомментировать эти даты, сильно отличающиеся от современной традиции датировки татаро-монгольского ига? На с. 140 говорится, что в 1447 г. будущий вел. кн. Иван III был «едва двух лет от роду». Между тем он 1440 г. рождения. На с. 204 сказано о «Нарышкиной, кузине Петра и двоюродной бабке императора Петра II». На самом деле кузина Петра I Нарышкина являлась троюродной бабкой Петра II. На той же странице кн. Петр Владимирович упоминает «Семена, первого графа Салтыкова». В действительности Семен Салтыков не был первым графом этой фамилии. Он граф с 1732 г., а Василий Федорович Салтыков стал графом в 1730 г. На с. 209 написано, что «в 1712 г. овдовела герцогиня Курляндская». В действительности это произошло в 1711 г. На с. 234 членство в Верховном тайном совете приписано гр. Я.В. Брюсу, а на с. 357 – кн. М.В. Долгорукову. В обоих случаях это не так. Но если в отношении кн. Михаила Владимировича это, по крайней мере, распространенное заблуждение, то о гр. Якове Вилимовиче такого никто никогда и не утверждал. На с. 68, 185, 257, 328 и 571 Брюс назван фельдмаршалом применительно к временам Петра I, хотя получил этот чин при отставке в 1726 г. На с. 557 строительство Аничкова дворца в Петербурге приписано Растрелли, не имевшему к нему никакого отношения. На с. 568 в сноске сказано: «С 1598 по 1606 год семья Годуновых дала России двух царей», правильно – по 1605 г. Все эти и множество других подобных случаев оставлены комментатором без внимания. Где уж тут заметить передержки в цитатах, допускаемые Петром Владимировичем (например, на с. 430, цитируя мемуары кн. И.М. Долгорукова, он упоминает «Новгородскую землю, эту колыбель русской свободы» (в оригинале – *cet antique berceau de la liberté russe*), а сам Иван Михайлович писал про «Новгородскую землю, сию древнюю колыбель геройских подвигов»³). Особого замечания заслуживает то обстоятельство, что Петр Владимирович систематически прибавляет единицу к номерам великих князей по имени Василий. Издатель также не счел этот факт достойным внимания, но на с. 140 появилось примечание переводчицы: «Автор ошибается». Едва ли, однако, это можно объяснить простой ошибкой.

Перейдем к рассмотрению качества той информации, которая содержится в примечаниях к «Запискам». Начну с такого важного элемента российской жизни, как Табель о рангах. Еще в предисловии, в биографии П.В. Долгорукова, читаем: «Он был выпущен по статским делам, да и то в чине не 12-го, а всего лишь 10-го класса» (с. 14). Во-первых, ровно наоборот: он был выпущен в чине 12-го, а не 10-го класса. Во-вторых, создается впечатление, что издатель считает 12-й ранг выше 10-го. В том же предисловии говорится, что Петр Владимирович имел сына Владимира, «лейтенанта Нижегородского драгунского полка» (с. 31). Честно говоря, в российских сухопутных войсках после 1730 г. лейтенантов не было. Несколько раз в своих комментариях (с. 582, примеч. 13; с. 589, примеч. 35; с. 595, примеч. 2) издатель упоминает мифические придворные чины 1-го класса по Табели о рангах. В действительности Табель о рангах, многократно изменяясь на протяжении без малого 200 лет, никогда не предусматривала существования придворных чинов 1-го класса. Кроме того, издатель не учитывает того обстоятельства, что один и тот же чин мог быть отнесен в разное время к разным классам в соответствии с редакциями Табели о рангах (см. с. 587, примеч. 24; с. 590, примеч. 44; с. 595, примеч. 6).

Но самое большое нагромождение странностей присутствует в комментарии к строкам Долгорукова, цитирующего Пушкина: «Езерский сам же твердо ведал, / Что дед его, великий муж, / Имел двенадцать тысяч душ. / ... / А сам он жалованьем жил, / И регистратором служил» (с. 132). В примечании читатель, видимо, ожидает увидеть название цитируемого произведения, ссылку на собрание сочинений Пушкина, указание на ошибку в цитате. Но там (с. 588, примеч. 31) ничего подобного нет. Приведу текст примечания: «Регистратор, точнее губернский регистратор, – тот, “в чьем ведении была регистрара» (В.И. Даль), едва ли не самая низшая должность в служебной иерархии, но не чин... В стихотворении же Пушкина подчеркивается скорее

обстоятельство безнадежности и безысходности службы в этой должности притом, что когда еще появлялась возможность получить желанный чин! Известно, что в прошлом некоторые особы, пользуясь тем, что не все знали 14-степенную Табель о рангах, рекомендовались “губернскими регистраторами” как чином 15-го ранга!». Тут даже трудно выбрать, с чего начать. Во-первых, губернский регистратор – нижний канцелярский чин. 14-степенная Табель о рангах включала только так называемые классные, или офицерские, чины. За ее пределами находились нижние чины, в статской службе это губернские регистраторы, канцеляристы, подканцеляристы, копиисты. Во-вторых, цитируемые строки Пушкина – не из стихотворения, а из неоконченной (но частично опубликованной) поэмы «Езерский». В-третьих, у Пушкина герой поэмы – не губернский, как почему-то показалось комментатору, а коллежский регистратор. А это уже чин 14-го класса, входящий в 14-степенную Табель о рангах.

Ошибки, допущенные в комментариях, дополняются ошибками в предисловии. На с. 42 цитируется письмо А.И. Герцена М. Мейзенбуг и О.А. Герцен от 15 (27) июня 1868 г., а сноски дана на письмо: «Герцен – А.А. Герцену, 16 (28) ноября 1867 г.» (такого письма не существует), да еще отнесенное (как и во множестве соседних сносок) к 19-му тому Собрания сочинений Герцена, хотя в действительности напечатано в 29-м. Забавно и следующее противоречие в предисловии. На с. 43 в сноске написано: «Первый том “Записок”, как сказано ниже, вышел в свет в 1867 г.». А на следующей странице: «1 января следующего года А.И. Герцен писал Н.П. Огареву, что встретил новый, 1867 г. “в своей постели с “Записками” кн. Долгорукова”». Как же Герцен встречал с этой книгой 1867 г., если она только в 1867 г. вышла? Автор предисловия, похоже, не замечает проблемы. В действительности, хотя на титульном листе книги действительно обозначен 1867 г., вышла она в декабре 1866 г. Кроме того, нельзя не отметить бросающееся в глаза игнорирование литературы последних десятилетий. Говоря на с. 31 о «Петербургских очерках», автор предисловия отсылает читателя к раритетному изданию 1934 г., в то время как в 1992 г. было переиздание⁴. А что касается монографий, то им не учтены работы И.Н. Ермолаева⁵ и Л.Ю. Гусмана⁶.

Перевод с французского, к сожалению, также изобилует фактическими ошибками, часть которых вполне объяснима незнанием исторического контекста, но другая часть вызывает недоумение. Первое впечатление, ожидающее читателя – фантастическая небрежность в употреблении дворянских титулов. Великая княгиня Елизавета (с. 531), граф де Лириа (с. 352), князя Апраксины (с. 65, 197), Скавронские (с. 92), Панины (с. 115), Чернышевы (в XVIII в.; с. 141, 183, 233), Головкины (с. 214, 245), Васильевы (с. 437), Салтыковы (тоже в XVIII в.; с. 174, 197)... Обращение к французскому оригиналу показало, что де Лириа, конечно же, *duc* (герцог) de Liria (с. 293), и во всех названных местах на месте «князей» значатся слова *comte* (граф) и *comtesse* (графиня) (с. 15, 41, 63, 89, 120, 128, 176, 214, 245, 376). Только в отношении «княгинь Марфы Апраксиной, Прасковьи Салтыковой» во французском оригинале (с. 142) употреблено слово «*les czarines*», так как они в действительности царицы – вдовы царей Федора и Ивана Алексеевичей. Кстати, словосочетание «*la czarine Prascovia*» переводчицу тоже подвело. Она переводит его «царица Прасковья», в то время как более чем в половине случаев правильно «царевна». Царица Прасковья Федоровна умерла в 1723 г., но, судя по русскому изданию «Записок», она участвовала в церемонии обручения Петра II и общении с приехавшей в Москву Анной Иоанновной (с. 357, 358, 379, 385). В действительности речь здесь идет о царевне Прасковье Ивановне, сестре Анны.

Второй момент, в котором переводу, увы, совершенно нельзя доверять, это терминология родства. Французское слово «*beau-frère*» можно перевести на русский словами «шурин», «деверь», «зять» и «свояк». Какое именно слово следует употребить в данном конкретном случае, надо просто знать. Выяснить это ни переводчица, ни научный редактор не стали. Переводчица пошла по совсем оригинальному пути: она употребляла произвольное слово из списка значений, по возможности варьируя их для разнообразия (с. 128, 173, 203, 443 и др.). На с. 138 кн. Лобанова-Ростовского называют то шурином, то зятем кн. Долгорукова, тогда как в действительности они – свояки; на с. 276 и 382

Дмитриев-Мамонов правильно назван зятем Анны Иоанновны, но на с. 384 – шурином, на с. 521 Александр Нарышкин назван зятем Волынского, а на с. 524 – правильно, шурином. Не заботит переводчицу и формальное правдоподобие. Женщины обзавелись в ее переводе шурьями (с. 384), а мужчины – деверьями (с. 173). Кн. Лобанов-Ростовский становится шурином кн. Долгорукова в результате *собственного* брака (с. 138). И так далее.

Третье сомнительное украшение перевода – небрежность в переводе названий чинов, должностей, учреждений. В России появляются маршалы, обер-мундшенк и даже статс-фрейлина (с. 236, 260, 162, 576), обер-егермейстера Волынского иногда называют обер-штальмейстером (с. 519, 520), а обер-гофмаршала Сиверса – обер-гофмейстером (с. 578). На с. 187 упоминается губернатор Сибири (в XVII веке!). На с. 287 применительно к XIX в. дважды упоминается некий государственный орган под названием «Совет империи». Речь, разумеется, идет о Государственном совете. На с. 357 упомянут Высший совет (в смысле Верховный Тайный), а на с. 560 и 561 – Императорский совет (т.е. Совет при ее императорском величестве).

На с. 309 говорится, что «после смерти Адриана, последнего патриарха России, Петр I не назначил на этот высокий сан никого». В сан возводят, назначают на должность, но дело тут не только в русском языке. Все-таки патриархи не назначались царями. В оригинале (с. 251) сказано: «Pierre I, après la mort, en 1699, d'Adrien, dernier patriarche de Russie, avait laissé cette dignité vacante», т.е. «Петр I после смерти в 1699 г. Адриана, последнего патриарха России, оставил это место вакантным». То, что Долгоруков «похоронил» Адриана на год раньше его действительной смерти (в ночь на 16 октября 1700 г.), осталось не прокомментированным.

В некоторых местах переводчица запуталась в структуре фразы Долгорукова и неверно трактовала смысл. Например: «Лопухины восходят к Редеде, князю племени касогов и государю Тмутаракани, побежденному в 1022 году сыном великого князя Владимира Святого, русским князем Мстиславом, павшим в битве» (с. 175). Кто пал в поединке Мстислава с Редедей, казалось бы, общеизвестно. И Долгоруков не совершал этой ошибки: у него верно написано: «Les Lapouhine sont issus de Rédéggha, prince de la tribu des Kassoghes, et souverain de Tmoutarakane, vaincu, en 1022, par le prince russe Mstislaw, fils du grand-duc Saint-Vladimir, et tué dans le combat» (с. 121).

Эти ошибки для переводчика вполне естественны, их обычно исправляет научный редактор. Но есть и интересные случаи, когда в текст Долгорукова вносятся дополнения, причём совершенно ошибочные по существу. Оставляет в недоумении сообщение о том, что кн. Александр Меншиков-сын «получил голубую ленту Св. Александра Невского» (с. 346). Лента ордена Св. Александра Невского красная, и если бы Долгоруков допустил подобную оплошность, она непременно требовала бы комментирования. Но в оригинале – написано «лента святого Александра» (с. 287: «cordon de Saint-Alexandre»), а цвет ее назван исключительно в переводе. Менее очевидна ошибка в утверждении, что «овдовев, г-жа Шереметева, урожденная Пожарская, вышла замуж за вдовца, боярина князя Юрия Долгорукова, прадеда моего прапрадеда; от этого брака у нее также не было детей» (с. 123). Слова «также» во французском оригинале нет (с. 71: «devenue veuve, Mme Schérémétew, née Pojarski, épousa un veuf, le boyar prince George Dolgoroukow, be bisaïeul de mon trisaïeul; elle n'eut point d'enfans de ce mariage»), и совершенно естественно, что нет, потому что в первом браке дети у Шереметевой были. Или вот: «Мой прапрадед в 19 лет женился на княжне Ирине Петровне Голицыной... От этого союза родилось четверо сыновей и пять дочерей... Старшая из девиц вышла замуж за князя Ивана Андреевича Вяземского; она была бабкой поэта, нынешнего князя Василия» (с. 55). В действительности имеется в виду князь П.А. Вяземский, и Долгоруков не называл его Василием. Во французском оригинале говорится просто о «современном поэте князе Вяземском» (с. 5: «Je parlerai plus tard des fils: pour ce qui est des cinq demoiselles, Marie l'aînée épousa, le prince Ivan Andréiévitich Viazemski; elle a été la grand'mère du poëte actuel prince Viazemski»), а имя вписано только в перевод. О том, что автор ошибается относительно происхождения княжны Марии Сергеевны

Долгоруковой, ставшей княгиней Вяземской, которая не является его двоюродной прабабкой, комментатор хранит молчание. Самый запутанный фрагмент такого рода: «Фельдмаршал Шереметев был женат дважды. От первой жены, Чириковой, на которой он женился 18 лет, у него было две дочери и сын Михаил, человек выдающийся как в военной области, так и по части дипломатии; вторым же браком он был женат на Евдокии Нарышкиной, троюродной сестре матери Петра I... Овдовев, шестидесятилетний фельдмаршал Шереметев женился на Салтыковой, вдове Льва Нарышкина, дяди Петра I» (с. 180). Так все-таки, сколько раз был женат фельдмаршал Шереметев – дважды или трижды? Конечно, дважды. Слова «вторым же браком» вписаны в перевод, в оригинале их нет. Там сказано: «Сын Михаил, человек выдающийся как в военной области, так и по части дипломатии; он был женат на Евдокии Нарышкиной» (с. 125–126: «Le maréchal Schérémétew fut marié deux fois. – De sa première femme, une Tchirikow, qu’il avait épousée à l’âge de 18 ans, il eut deux filles et un fils, Michel, un homme éminemment distingué et comme militaire et dans la diplomatie, il épousa Eudoxie Narychkine, une cousine issue de germaine à la mère de Pierre Ier... Devenu veuf, le maréchal Schérémétew, déjà sexagénaire, épousa une Saltykow, veuve de Léon Narychkine, l’oncle de Pierre Ier...»). Брак сына переводчицей приписан отцу.

В других случаях из текста, наоборот, исчезают значимые слова. О гр. Федоре Андреевиче Матвееве в переводе говорится: «Внук прославленного министра и царя Алексея» (с. 377). В оригинале: «Внук прославленного министра и *друга* царя Алексея» (с. 316: «Petit-fils de l’illustre ministre et *ami* du czar Alexis»). Пропущено одно слово, но немаловажное. На с. 489 Долгоруков упоминает «девицу фон Трейден, ту самую, которая отказалась выйти замуж за фельдмаршала Миниха». На самом деле она отказалась выйти замуж за *сына* фельдмаршала Миниха. В оригинале (с. 425) читаем: «Mlle de Treyden, la même qui avait refusé d’épouser *le fils* du maréchal Münich». На с. 481 говорится о графе фон Лёвендаль, «внуке незаконнорожденного Датского королевского дома». Вообще-то это обвинение всего Датского королевского дома в незаконности происхождения. Может, незаконнорожденного отпрыска? Или просто *бастарда*? В оригинале (с. 417) так и есть: «petit-fils d’un *bâtard* de la maison royale de Danemarck»).

Переводу свойственны многочисленные небрежности и стилистические ошибки. Деревня, родина графов Разумовских, на с. 552 и 553 названа Лемиши, на с. 554 – Лемеша (что правильно), а на с. 558 – Лемихи. Фамилия Флемминг на с. 467 и 537 написана правильно, а на с. 550 – Флеминг. (Кстати, упоминания на с. 537 и 550 в указателе на с. 634 приписаны одному человеку, хотя в первом случае речь идет о названном в указателе графе Иоахиме-Фридрихе фон Флемминге, а во втором – о фельдмаршале Фридриха-Вильгельма I, каковым был, разумеется, граф Якоб-Генрих фон Флемминг). Наконец, в ряде случаев по небрежности одна фамилия заменена другой (на с. 170 Головкин назван Уваровым, на с. 274 Иванов – Олсуфьевым, а на с. 294 Массалов – Массальским).

Непростые отношения у переводчицы и с числами. Начиная от склонений числительных («будучи восемьдесят лет» на с. 196) и заканчивая арифметическими сбоями. Так, на с. 247 говорится, что С.Л. Владиславлев «стал тайным агентом послов России в Турции князя Дмитрия Михайловича Голицына, Емельяна Игнатьевича Украинцева и первого графа Толстого. В 1702 году он совершил первое свое путешествие в Россию; он представил Петру I рекомендательные письма от *обоих* послов». Между тем в оригинале о численности этих послов ничего не сказано (с. 191): «il présenta à Pierre Ier des lettres de recommandation de ses ambassadeurs». На с. 274 говорится: «В браке с Анной Ивановной Давыдовой Николай Автономович [Иванов] имел пять дочерей, *вторая из которых*, Дарья, вышедшая замуж за Глеба Алексеевича Салтыкова», прославилась как «злая Салтычиха». Здесь же дана сноска: «Две старшие сестры злой Салтычихи». Каким образом у второй из дочерей могут оказаться две старшие сестры, известно только издателям «Записок». В оригинале (с. 216) сказано: «Nicolas Avtanomovitch, de son mariage avec Anna Ivanovna Davydow laissa cinq filles, *dont la puînée* («младшая из которых»). – М.М.), Daria, mariée à Gleb Alexéievitch Saltykow».

Наконец, есть места, где странные принципы комментирования, ошибки в переводе и комментариях сплетены вместе. На с. 162 Долгоруков упоминает одного из Нарышкиных, «Федора Дмитриевича, зятя почтенного обер-мундшенка». В примечании вместо ожидаемого раскрытия имени нарышкинского тестя, читаем: «Обер-мундшенк – надзиравший за мундшенками придворный чин 12-го класса» (с. 591, примеч. 5). Слово в очередной раз объясняется через столь же непонятное. Впрочем, несколько ниже (с. 592, примеч. 18) есть объяснение и этого слова: «Мундшенк – придворный чин 12-го класса, служитель, заведовавший напитками, подававшимися при дворе». Обоим этим чинам приписан один класс – что явно абсурдно. В действительности в Табели о рангах Петра I чин мундшенка имел 14-й класс, позднее передвинутый в 12-й, а чина обер-мундшенка не существовало. Тесть Нарышкина князь Николай Васильевич Долгоруков имел чин обер-шенка (2-го класса). И уж совсем занятно, что в оригинале (с. 109) сказано: «Fédor Dmitriévitch, gendre de respectable grand-échanson prince Dolgoroukow» («Федор Дмитриевич, зять почтенного обер-шенка князя Долгорукова»), т.е. и комментировать не надо, только перевести без потерь.

Масса ошибок присутствует и в именном указателе. Составитель явно не справился с атрибуцией упоминаемых лиц, даже таких, как великие князья и цари Василии. На с. 613 указателя фигурирует Дмитриев-Мамонов Иван Ильич, а на с. 622 – Мамонов Иван. В действительности это одно и то же лицо. Кстати, оно упомянуто и на с. 379 текста, но ни в одном из этих двух сообщений эта страница не названа. На с. 614 есть запись: «Долгорукова (Голицына) А.М. 314, 431, 433». На самом деле на с. 314 ничего похожего нет, а на с. 431 и 433 упомянуты разные княгини – Анна Михайловна и Наталья Сергеевна. На с. 425 о селе Архангельском сказано: «Ныне это собственность князя Юсупова». В указателе это упоминание приписано князю Борису Николаевичу Юсупову, но он умер более чем за полтора десятка лет до написания «Записок» и не мог владеть Архангельским во время их написания. Оно тогда принадлежало его сыну Николаю. На с. 628 про Сергея (Павловича) Потемкина сказано, что он упомянут на с. 555 (что правильно) и 557. В действительности на с. 557 упомянут кн. Потемкин, которому подарили Аничков дворец, т.е. Григорий Александрович.

Ряд персон в указателе пропущен. Например, трижды упомянутый в тексте на с. 509 и 520 секретарь Кабинета министров Андрей Яковлевич Яковлев. Или Федор Петрович, Сергей Алексеевич, Василий Васильевич, Александр Васильевич, Василий Александрович и Сергей Сергеевич Шереметевы, а также Елизавета Петровна Бибилова (Шереметева), Дмитрий Дмитриевич Бибиков и граф Михаил Николаевич Муравьев (Виленский), упомянутые вместе в сноске на с. 177. (Кстати, жуткая путаница в генеалогии Шереметевых, наличествующая в этой сноске, оставлена без комментариев.)

Конечно, наряду с недостатками и ошибками присутствуют и очень хорошо сделанные вещи. Уместны и хороши комментарии про преследования Ж.-Ж. Руссо (к с. 295, примеч. 7 к гл. VI, с. 597), отмену Нантского эдикта (к с. 297, примеч. 8 к гл. VI, с. 597), деревню Гретна Грин (к с. 325, примеч. 4 к гл. VII, с. 598), комментарии Юстуса Липсе к Тациту и к портрету Мессалины (к с. 509, примеч. 1 к гл. XIV, с. 600) и ряд других. И даже примечание о том, что в «Приложениях» к «Санкт-Петербургским ведомостям» искомое событие не обнаружено (к с. 470, примеч. 1 к гл. XIII, с. 600), свидетельствует о том, что его искали, что комментатор видел в этом свою задачу.

Итак, приведенный здесь перечень ошибок, сокращенный для рецензии раза в четыре, к огромному сожалению, свидетельствует о том, что читателю лучше все-таки по-прежнему обращаться к французскому оригиналу «Записок» П.В. Долгорукова.

Примечания

¹ Долгоруков П.В. Записки князя Петра Долгорукова / Пер. с франц. А.Ю. Серебрянниковой. Вступ. статья, примеч. и указатель С.Н. Искуля. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2007. 640 с. Ранее выходил маленький фрагмент этих записок, который неоднократно переиздавался: Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны:

Из записок кн. П.В. Долгорукова / Пер. с франц. С.М. [С.Р. Минцлова]. М., 1909. В 1990 г. «Новый журнал» начал полную публикацию «Записок» (в переводе и с комментариями Д. Скалона), которая осталась неоконченной. (Кн. 179. С.192–226; Кн. 180. С. 173–202).

² *Dolgoroukow P., Pr. Mémoires du Prince Pierre Dolgoroukow. Vol. 1–2. Genève, 1867–1871. Vol. 1. Genève: Cherbuliez, H. Georg, 1867.*

³ *Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... / Изд. подгот. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Отв. ред. В.П. Степанов. В 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 12.*

⁴ *Долгоруков П.В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта. 1860–1867 / Вступ. статья С.В. Бахрушина. М., 1992.*

⁵ *Ермолаев И.Н. Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова: Пути русского либерализма. Изд. 2. Псков, 2001.*

⁶ *Гусман Л.Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). СПб., 2004.*

© 2011 г. **В. М. ШЕВЫРИН***

«ВЕСЬ ШИПОВ»

В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга С.В. Шелохаева* – первое монографическое исследование о Дмитрие Николаевиче Шипове (1851–1920), выдающемся общественно-политическом деятеле, который оставил яркий след в истории России конца XIX – начала XX в. Разумеется, деятель такого масштаба, как Шипов, и раньше не мог не вызвать интереса у многих авторов, что отразилось практически в каждой работе по истории отечественного либерализма. Но только теперь, в этой книге С.В. Шелохаева, перед нами «весь Д.Н. Шипов», – от древних истоков его дворянского рода до трагического финала жизненного пути в больнице Бутырской тюрьмы.

Такая биографическая всеохватность могла быть достигнута только при условии, можно сказать, тотальной мобилизации исторических источников. Очевидно, что заметной вехой в собирании и осмыслении наследия Шипова явилась подготовка и переиздание Шелохаевым в 2007 г. мемуаров Шипова «Воспоминания и думы о пережитом», впервые вышедших в свет еще при жизни Дмитрия Николаевича (в 1918 г.) и давно ставших библиографической редкостью. Эти воспоминания со вступительной статьей публикатора, его комментариями, а также приложением ряда работ Шипова, стали и одной из важнейших источниковых опор рецензируемой монографии. Иначе быть не могло: ведь Шипов смотрел на свой труд как на отчет, который он давал «своей общественной деятельности, как на свою исповедь»¹. Удачными стали и архивные разыскания автора. В монографии есть обширное приложение, – переписка Д.Н. Шипова с М.В. Челноковым и Е.К. Челноковой, супружеской четой, людьми очень близкими Шипову и по человеческим качествам, и по культуре, и по мироощущению. Их эпистолярное наследие, хранящееся в ГА РФ (ф. 810), впервые вводится в научный оборот. Переписка представляет собой редкое по искренности корреспондентов и по богатству фактического материала свидетельство этих людей о себе и о своей эпохе. Челноков был в центре общественно-политической жизни страны в начале XX столетия (видный московский предприниматель, член ЦК кадетской партии, депутат

* **Шевырин Виктор Михайлович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.